

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОМАН Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» В ПЕРЕВОДЕ НА АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

М.М. АДУЛЯН
ЕГУ

Первым переведенным произведением Чернышевского стал роман «Что делать?», вышедший в свет в 1938 году. Переводчиком выступил Г. Сарикян.

Это издание романа «Что делать?» на армянском языке было обусловлено, продиктовано временем. Поскольку времени Чернышевский служил идеалом революционера, философа-материалиста, выразителя социалистических идей, а сам роман считался своего рода руководством для воспитания нового поколения, то перевод романа нужен был очень срочно. Мы полагаем, что именно с этим и были связаны многие переводческие промахи, допущенные Г. Сарикяном.

Но с точки зрения некоторых проблем перевода рассмотрим более подробно второе издание романа «Что делать?» (это отредактированный и дополненный вариант перевода 1938 г.), вышедшее в 1953 г. и по сей день остающееся в читательском обороте.

Начнем с наблюдений, связанных с передачей на армянском обращений персонажей друг к дру-

гу, а также упоминания их автором по имени и отчеству («Вера Павловна», «Дмитрий Сергеевич» и т.д.). Для русского языка и русского быта это вполне нормальная форма обращения и обозначения человека. В произведении она выполняет выразительные функции, такая форма не является совершенно нейтральной в эмоциональном отношении, она противостоит обращению, а также обозначению человека просто по имени или, тем более, употреблению ласкательной и уменьшительной формы - «Верочка», «Саша» и т.п., эти последние выражают теплоту и интимность, иногда же – просто социальное превосходство обращающегося, как, например, обращение к горничной - «Маша». В армянском языке подобного средства для выражения отношения говорящего к адресату его речи или упоминаемой личности нет, как нет вообще и обращения по имени-отчеству. Однако армянскому читателю, для которого предназначен рассматриваемый перевод, эта форма обозначения

лица известна, хоть она и не употребляется у армян.

Как же должен передавать переводчик обращения в тексте художественного произведения?

В целом существует несколько способов, наиболее принятым из которых является передача официальности и почтительности обращения по имени и отчеству другими, специфичными для армянского языка средствами. Однако Сарикян отверг этот способ. Он, скорее, решил перенести читателей в мир персонажей, а не наоборот. Способ, к которому, в принципе, и прибегнул Сарикян, заключается в том, чтобы сохранить русскую форму обращения, включая все суффиксы, и передавать все имена и словосочетания без изменения. В армянском они только транскрибируются, насколько это возможно.

«В переводе имеет смысл сохранять лишь те элементы специфики, которые читатель перевода может ощутить как характерные для чужеземной среды, т. е. только те, которые могут быть восприняты как носители «национальной и исторической специфики». Все остальное, то, что читатель не может воспринять как отражение среды, представляет собой бессодержательную форму, поскольку не может быть конкретизировано в восприятии» (Левый, 1974: 130).

Особое место в романе занимает образ злой, жадной и невежествен-

ной Марьи Алексеевны, матери Верочки. Уже ее первые фразы создают у читателя в отношении к ней определенный настрой. Ее речь полна коротких, отрывистых и властных фраз, которые вперемешку с просторечными оборотами и прорывами невежества создают образ чуждой сентиментальности и во всем ищущей выгоды Марьи Алексеевны.

Это неизбежно должно подводить переводчика к осознанию того, что любые, даже незначительные искажения или упущения в передаче ее речи могут стать существенным препятствием на пути аналогичного восприятия образа армянским читателем.

Марья Алексевна часто ругается, покрикивает, а в основном командует и говорит повелительным тоном. В армянском переводе эта хлесткость иногда несколько сглаживается, ее речь звучит мягче.

В стилистическом строе речи Марьи Алексевны доминантой являются просторечия и разговорные конструкции. Интересно, что в романе такая манера разговора присуща одной лишь Марье Алексевне, ведь остальные «новые люди» говорят уже на литературном русском языке. Чернышевский специально вложил в уста своей «негативной» героини такую речь, чтобы показать различие и деградацию по сравнению с другими своими героями.

Но как переводчик справился с передачей ее речей на армянский?

«Мы его в бараний рог согнем. В мешке в церковь привезу, за виски вокруг наложу обведу, да еще рад будет» (Чернышевский, 1974, I:22¹). — «Մենք նրան կծալենք: Տոպրակը կոխած եկեղեցի կտանեն, բունբերից բռնած գրակալի շուրջը կպտտեցնեն և դեռ ուրախ էլ կլինի» (Զեյնիշևսկի, 1953: 29²). Не найдя эквивалента обороту «согнем в бараний рог», Г. Сарикян просто опустил его, оставив лишь «կծալենք», однако во втором предложении грубость передана с помощью «տոպրակը կոխած». Наличие реалии чисто русского быта «вокруг наложу обведу», что означает «обвенчаю в церкви законным браком», передано «բունբերից բռնած գրակալի շուրջը կպտտեցնեն», что не очень-то понятно армянскому читателю. Здесь следовало бы, не впадая в буквализм, подыскать эквивалентную замену в армянском.

Часто переводчик пасует перед грубыми выражениями, передавая их стилистически нейтральными словами: «Дурак! Вот брякнул, - при Верочке-то! Не рада, что и расшевелила! Правду пословица говорит: не тронь дерьма, не воняет! Эко бухнул! Ты не рассуждай, а скажи: должна дочь слу-

шаться матери?» (I, 22) — «Հիմա՛ր: Տես ինչ դուրս տվեց, այն էլ Վերոչկայի ներկայությամբ: Բնավ ուրախ չեմ, որ քեզ շարժեցի. Առածը ճիշտ է ասում՝ թե աղբը մի՛ շարժիր, որ հոտ չբարձրանա: Որպես թե բան ասաց: Խելքիդ զոռ մի՛ տա, այլ ասա. — աղջիկը պե՛տք է մորը լսի» (1953, 29).

Вся колоритность, «образ» речи Марьи Алексевны потерялись в переводе. Из-за недостаточного смелого употребления даже предоставляемых армянским языком соответствующих выражений в переводе она несколько нейтрализовалась и обесцветилась, утратила характерные интонации и эмоциональные оттенки. Просторечное «брякнул» не совсем верно передано армянским «դուրս տվեց», слово «дерьмо» изменено на «мусор», а экспрессивно-окрашенное «воняет» на «հոտ չբարձրանա». Но заметим и некоторую компенсацию: «ты не рассуждай» заменено более грубым армянским выражением «Խելքիդ զոռ մի՛ տա».

Особое место в переводоведении занимает проблема передачи фразеологизмов и идиоматических выражений. Именно они представляют наибольшие практические трудности, так как связаны с различием смысловых и стилистических функций. Их нельзя просто перевести, следует найти им эквиваленты в переводящем языке. Например, «пустил себе пулю в лоб», т.е. покончил с собой именно таким способом, в

¹ В дальнейшем все цитаты по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» приводятся по этому изданию с указанием тома и номера страницы в скобках.

² В дальнейшем все цитаты по армянскому изданию романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» приводятся по этому изданию с указанием года и номера страницы в скобках.

армянском переводе звучит как «Գնդակ է խփել իր ճակատին» (1953,13). Буквалистический этот слепок носителю армянского языка едва ли понятен, тем более что «գնդակ» – это в армянском еще и (да и прежде всего) «мяч», «мячик», поэтому непонятно, зачем кому-то бить мяом себя по лбу. Уж если не эквивалент подыскивать, а «переводить», то хотя бы понятнее: «ճակատին փսփոռնշտ փրճակել».

Часто устойчивые метафорические сочетания могут представлять разную степень мотивированности, прозрачности внутренней формы и национальной специфичности, поэтому переводчик, делая выбор необходимого соответствия, допускает перевод, близкий к их прямым значениям.

К идиоматическим выражениям, переведенным буквально, следует отнести и «շնակա՛ն հաճոյակատարութեամբ» (1953,65) - «собачья угодливость» (I,56), в то время как в армянском такого не существует, есть «շնն հաշտատարութեամբ», но и это далеко не подходит для передачи русского выражения. Здесь мы опять имеем дело с калькированием, то есть дословным переводом, к которому прибегают обычно в тех случаях, когда нельзя передать фразу в целостности ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения другими приемами.

Таких примеров очень много: «И глаз не запускает за корсет» (I,85) - «Եվ աչքը կորսեց ինքն չի գցում» (1953,97), «Я смущал ваше спокойствие» (I,9) - «խռովում էի ձեր հանգիստը» (1985,16), «Я ухожу со сцены» (I,9)- «Ես բեմից իջնում եմ» (1953, 16), «сидеть букой» (I,80) - «մնայլ նստել» (1953,91) и др.

Передача большого числа идиоматических выражений, фразеологизмов оригинала облегчается наличием готовых соответствий в армянском языке:

«пробивать себе дорогу своей грудью» (I,61) - «Իրենց կրծքով իրենց համար ճանապարհ հարթել» (1953, 71),

«Скажи: вам в угоду сделал» (I,139)- «Ասա – ես ձեր խաբեր համար փրի» (1953,154)

«Но поругаться надо очень сильно, в полную страсть» (I,142)- «Բայց կոխվր պետք է շատ ուժգին, լազաբով լինի» (1953, 157) и т.д.

К устойчивым метафорическим сочетаниям относятся и пословицы, и поговорки, представляющие собой законченное высказывание и имеющие форму самостоятельных предложений.

Переводчики прибегают, как правило, к нескольким способам передачи пословиц и поговорок. «В ряде случаев, даже и при отсутствии традиционного соответствия в языке перевода, возможна передача наново пословицы или поговорки, воспроизводящая вещественный смысл составляющих ее слов и вместе с тем вполне сохраняющая ее общий смысл и характер, как определенной и единой формулы, как

фразеологического целого» (Федоров, 1983: 164).

Обратим внимание на передачу поговорки «Не вовремя гость – хуже татарина» (I,241), которая в армянском варианте звучит как «Այս ժամանակ հյուրը թուրքից վատ է» (1953,305). Русская поговорка появилась еще со времен татаро-монгольского ига, значение ее известно всем: человек, который пришел в гости незваным, как правило, доставляет хозяевам неудобства. Но особый окрас эта фраза приобретает при переводе на армянский, ведь, как известно, турки до сих пор остаются врагами армянского народа в силу определенных исторических причин, в то время как слово «татарин» для армянина не синоним «врагу».

Иногда, если нет эквивалента в переводимом языке, переводчик прибегает к методу создания аналога путем буквального перевода: «Не клади плохо, не вводи вора в грех» (I, 83) – «Վատ տեղ մի՛ դնիր, գողին մի՛ գայրակղեցնիր» (1953,93).

В некоторых случаях переводчик заменяет фразеологизм соответствием, которое, по его мнению, является эквивалентом русского. Правда, это может быть частичный, а не полный эквивалент.

«Ведь мы с вами, Марья Алексевна, старые воробы, нас на мякине не проведешь. Мне хоть лет немного, а я тоже старый воробей, тертый калач... (I,113)».

«Չէ՞ որ մենք ձեզ հետ հին աղվեսներ ենք. մեզ ժաժիկով չեն խաբի: Ես թեպետ շատ տարիք չունեմ, բայց նույնպես հին աղվես եմ, խորամանկ մարդ... (1953,127)

«Старый» или «стреляный воробей» в русском языке употребляется в переносном значении в отношении опытного, бывалого человека. В армянском этому фразеологизму, по Сарикяну, эквивалентно «հին աղվես», поскольку «воробей» как реалия не присутствует в армянском фольклоре и не является каким-то архетипным образом для носителя армянской культуры. Но, заметим, что и у русского человека с образом лисы обычно соотносится представление о чем-то сомнительном, фальшивом. Чернышевский предпочел «воробья», а не «лису», акцентируя больше опыт, а не хитрость. Подтверждением этому является и фраза «нас на мякине не проведешь», которая употребляется, когда речь идет о бывалом, знающем человеке, которого трудно обмануть. «Մեզ ժաժիկով չեն խաբի» больше походит на буквальный арменизированный перевод, чем на армянскую пословицу. Что касается «тертого калача», то перевести это как «խորամանկ մարդ» неверно, ведь и здесь имеется в виду не о хитрость, а опять-таки опыт, опытность. В данном случае мы имеем дело с нефразеологическим переводом, т.е. таким, где переводчик передал фразеоло-

логическую единицу при помощи лексических, а не фразеологических средств армянского языка.

Таким образом, перевод данного предложения, учитывая даже компенсационные возможности контекста, невозможно назвать полноценным. Здесь мы видим многие потери - образности, афористичности, значений, экспрессивности и т.д.

Есть, однако, в тексте перевода и равноценные оригинальным, эквивалентные фразеологизмы. Например, «забрала молодца-то в руки» (I,46) - «իրիւն րուրը հս-վարէլ» (1953,54).

Особенностью русского языка является система суффиксов, среди которых очень много уменьшительно-ласкательных, с их эмоциональной и интонационной окраской. В армянском языке они почти отсутствуют. То, что в русском выражается суффиксом, в армянском обычно или теряется, или в какой-то степени передается с помощью лексического добавления, или всего лишь «просвечивает» в контексте.

Вот несколько примеров:

глупенькая – հիմար (1953,133)
миленький – իմսիրեւի (1953,134)
молоденькая – ջառէլ աղջիկ (1953,141)
беденькая – խեղճ աղջիկ (1953,142)
маменька – մայրիկ (1953,28, 78)
хорошенько – լավ (1953, 89)
муженек – մարդ (1953,166)
жалованьишко – քաճիկ и т.д.

Главным недостатком рассмотренного нами - в основном, безусловно, состоявшегося- перевода является, на наш взгляд, отсутствие творческого подхода к тексту и не совсем четкое его восприятие как идейно-художественного целого. Стремление к максимальной точности на уровне отдельных элементов текста зачастую приводит к буквальной его передаче и искажению авторской интенции.

Перевод Г. Сарикяна в свое время явился фактом большой значимости, однако в свете современных требований и развития теории перевода многие проблемы, связанные с переводом романа «Что делать?», могут получить новые решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Международные отношения, 1980
2. Левый И. Искусство перевода. - М.: Прогресс, 1974
3. Федоров А. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). - М.: Высшая школа, 1983
4. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1 - М.: Правда, 1974
5. Չերնիշևսկի Ն.Գ. «Ի՞նչ անել», Երևան, Հայպետհրատ, 1953